

Елена Богатырёва

ФИСА

Елена Богатырёва

Фиса

«Издательские решения»

Богатырёва Е.

Фиса / Е. Богатырёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853555-0

Легко ходить по лезвию судьбы, когда тебе восемнадцать. Легко влюбляться, легко ненавидеть. Но нелегко понять, что когда тебе в спину дышит маньяк, нужно быть хотя бы немного осторожнее. Зло очень редко приходит в нашу жизнь открыто. Чаще оно прячется под маской. Только вот чьей? Случайного знакомого? Близкой подруги? Возлюбленного? И порой нужны годы, чтобы сорвать эту маску...

ISBN 978-5-44-853555-0

© Богатырёва Е.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Фиса

Елена Богатырёва

© Елена Богатырёва, 2020

ISBN 978-5-4485-3555-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Все права защищены. Никакая часть данной книги не может
быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельца авторских прав**

Сайт автора <http://elenabogatyreva.ru/>

1

Я хожу по городу живым памятником событиям десятилетней давности. Как будто время замерло и ничего с тех пор не происходит, ничего не меняется. Ведь всякий человек живет надеждой на какое-то чудо, которое с ним вот-вот произойдет. Эта надежда заставляет его нетерпеливо всматриваться в лица людей, смаковать предчувствия, подгонять время. Но я – совсем другое. Чудо уже стучалось в мои двери, судьба моя уже проделала свой самый главный виток, и теперь мне остается только с тоской оглядываться в прошлое, которое постепенно стирается в памяти. Однако и обрывки его мне намного дороже той жизни, которую я веду.

Когда теперь, задним числом, я пытаюсь понять, как же это все получилось, мне становится страшно. Мы так беспечно ходили по краю пропасти и даже не знали об этом, потому что были слепы и глухи ко всем подсказкам судьбы. А их было много, ох как много. С тех пор мне часто снится один и тот же сон: дверь заперта. Я открываю ее, и в лицо мне бьет солнце. И чем-то сладким веет в воздухе, заставляя зажмуриться от восторга. Но как только я открываю глаза, на руках моих – кровь, и человек, которого я так люблю, падает к моим ногам. Я кричу, зову на помощь, но надеяться не на что. И он умирает снова и снова. А я просыпаюсь в слезах и понимаю, что предчувствовала всегда именно эту развязку.

А все – Фиса. Если бы не она... Мне все кажется, что она опередила меня на минутку, заняв по ошибке мое место и получив все, что судьба уготовила мне. Но я ее слишком любила тогда. И сейчас люблю. Она ничего не боялась. Никогда ничего не боялась. А зря. Потому что как бы там ни было, но когда тебе в спину дышит маньяк, глупо надеяться, что все будет хорошо.

Костлявая рука старухи-смерти вмешалась в нашу жизнь, изгнав навсегда счастье, которое оставило после себя лишь воспоминания, серые будни, неинтересных людей. Теперешняя жизнь похожа на должностную инструкцию, а та была прекрасна, как жестокий романс. Нас было четверо, когда все это закрутилось. Жили мы здорово и весело. Сейчас бы так! Мне все время хочется вернуться туда. Нет, не повстречать всех: помятых жизнью, детьми замученных, домашним хозяйством и собственным честолюбием. А именно – вернуться. Подышать тем воздухом. Ну хотя бы немножечко. Мне этого всегда хотелось. Правда, всегда. Даже когда мы еще не расстались. Когда

все это продолжалось. Я словно сказала себе – это лучшее из того, что было, есть и будет в моей жизни.

Поэтому, когда я шла по Невскому и увидела большой плакат, на котором было написано «Воскреси свое прошлое», то остановилась как вкопанная. Действительно, если бы был такой аттракцион, я бы никаких денег не пожалела. А ниже на плакате значилось: курсы гипноза, ведет доктор Р., по адресу...

Оказалось, что группа уже набрана, но мне повезло, заболел кто-то накануне, и меня взяли. Сначала все показалось мне слишком даже просто: расслабляешься и считаешь в обратном порядке. Выходишь к океану и идешь налево, сквозь туман. И там попадаешь в свое прошлое.

Но на курсы я еще совсем недавно записалась. Поэтому у меня не получается пока. Расслабляюсь, считаю, океан вижу, туман тоже, вхожу в него, а за ним – ничего почти, только обрывки короткие... Но Учитель (так высокопарно мы все зовем уважаемого доктора Р.) говорит, что я «плохо стараюсь». И даже намекает, что, мол, я почему-то очень не хочу свое прошлое вспоминать. Ерунда получается. Как это так может быть, что самое счастливое время своей жизни я вспоминать не хочу? Я ведь именно для этого и пришла на курсы. Ну, доктора, мне кажется, тоже иногда ошибаются. Еще он говорит, что нужно как-нибудь процесс воспоминаний стимулировать. И по его совету я начала делать эти записи: освежаю память.

Мне очень нужно туда вернуться. Не знаю почему. Знаю только, что тянет страшно. Вы, наверно, думаете, что я странная, – пошла бы и сходила в гости к Фисе. Ха, смешные люди. Это невозможно теперь. Потому что нет больше Фисы. То есть она есть, но то, что есть, – это совсем не та Фиса, которая была с нами десять лет назад. Нет той Фисы, нет той меня. Мы даже встречаемся время от времени. Но от этих встреч складывается ощущение, что ничего никогда не было. А ведь было же...

2

Началось все с того, что тридцатого августа, когда Фиса вернулась из какого-то там театра, тетя аккуратно паковала ее чемоданы.

– Знаешь, – сказала она Фисе, – завтра тебе нужно переехать в общежитие.

Тебе? Фиса этого не ожидала. Она была в три раза выше тети, но самостоятельно устраиваться в жизни ей еще не приходилось ни разу. Тетя должна была взять свою маленькую (хотя и в три раза выше ростом) племянницу за руку, отвезти в общежитие, переговорить с кем нужно, а потом принести Фисе ключ от комнаты и, может быть, даже разложить вещи.

Девушка тихо села:

– Сама? А...

– Поэтому я тебе чемоданы и собираю. Адрес у тебя есть – найдешь. («Таксист найдет», – подумала Фиса.) Разыщешь того, кто отвечает за поселение, и потребуешь комнату. Скажешь, что комната тебе нужна сегодня, потому что жить тебе негде.

– А если не будет? Если не освободилась еще?

– Скажешь, что тогда ты у них заночуешь. Потому что идти тебе все равно некуда. И не вздумай заикнуться, что у тебя родная тетя в Ленинграде. Узнают – никогда никакой комнаты не получишь.

Поэтому на следующий день Фиса с двумя чемоданами в час дня уже шаталась по длинным коридорам, пытаясь отыскать ответственных за поселение. Ответственными оказались два безответственных второкурсника. Они ей очень обрадовались, но сразу предупредили, что комнат пока нет.

– Тогда я у вас ночевать буду, – сказала Фиса, ставя чемоданы на пол.

Молодые люди уставились на нее, не зная, радоваться им или как. Но выражение лица Фисы ничего хорошего не предвещало, поэтому один из них заметил:

– А чего ночевать-то? Еще неизвестно, завтра освободятся комнаты или нет.

Фиса такой вариант с тетей не обсуждала, но сдаваться не собиралась:

– Тогда я у вас жить буду. И села на чемоданы.

Тут один из молодых людей, перестав тарашиться на непрошеную гостью, порывлся в бумагах, пошептал что-то и просиял:

– Вот. Единственное, что могу предложить, это 145-ю. Пойдешь туда?

– Пойду, – сказала Фиса, но насторожилась, – там что, этаж последний, с потолка капает?

– Нет, – улыбнулся парень, – просто там одна вьетнамка поселилась. Места свободны. Только ключ – у нее, а она ушла. Придет поздно вечером. Ждать будешь?

– Буду, – недоверчиво покосилась на них Фиса. – А чемоданы у вас оставлю. И если ваша вьетнамка не явится – ночевать сюда приду. Так что далеко не разбегайтесь.

– Явится, явится, – в один голос подтвердили молодые люди и вздохнули с облегчением, когда Фиса наконец убралась из их комнаты.

Я пришла в общагу часов в пять вечера. На подоконнике, неподалеку от комнаты, сидела девушка. Вид у нее был мрачный. Я подергала дверь – вьетнамка возвращаться и не думала. Тогда я подошла к мрачной девушке, вспомнив, что видела ее на экзаменах.

– Привет.

– Привет, – сказала она.

– Хочешь яблоко? – я развернула кулек. Яблоки были огромные и желтые. Мы съели по одному.

– Ты вьетнамку ждешь? – спросила я.

– Ее, родную.

– Так, значит, мы соседки! Меня туда два дня назад поселили. Я здесь уже два вечера дежурю. Похоже, она нашла где-то место поинтересней.

– Не придет – будем ломать дверь, – еще мрачнее стала Фиса.

Вот так мы и сидели, вяло перекидываясь фразами и недоумевая, что нам делать дальше. Я бы, конечно, сходила куда-нибудь, чего сидеть сиднем. Но Фиса, напуганная тетей, решила сидеть до конца – до победного.

Вьетнамка появилась часов в десять. Я лично ее совсем не ждала, ее ведь два дня уже не было, кто сказал, что она на третий обязательно явится? – так, сидела с Фисой за компанию. А Фиса была уже на пределе – вот-вот взорвется. По сравнению с маленькой вьетнамкой она выглядела громилой, и у меня сердце упало – как она на нее глянула. Я ведь ужасно не люблю скандалов. А Фиса, пожалуй, скандалить и не будет – сразу убьет.

Вьетнамка уже о нас все знала. Ответственные за поселение встретили ее на первом этаже и предусмотрительно предупредили, поэтому она направилась сразу к нам.

– Здравствуйте, меня зовут Ань.

И это тоже – очень важно. Потому что именно тогда все вокруг стало меняться. Сначала медленно и незаметно. А потом – все быстрее и быстрее... В этот момент мы изменили свои имена. И представились:

– Фиса.

– Ан... – Фиса зыркнула на меня, словно одергивая, – Тоня.

Это потом я только поняла, когда многие спрашивали, почему имя у нее такое дурацкое. А Фиса, она быстро сообразила. Ведь по-настоящему ее всегда звали Анфиса. Тоже с «Ан». Представляете, что бы у нас была за жизнь, если бы при каждом «Ан» вьетнамка вздрагивала и приветливо улыбалась в нашу сторону. Теперь я точно знаю – мы бы с ума сошли. Фиса, она всегда от всех отгораживалась. И тут, чтобы отделиться от вьетнамки, даже имени своего не пожалела. А меня, кстати, Антониной зовут. Друзья – Антоном. Но Фиса права, три «Ан» в одной комнате – это невыносимо.

С вьетнамкой этой у нас потом чуть международный скандал не вышел. Ну, пока мы посуду за собой не мыли, она на нас только круглыми глазами смотрела. Когда стали лекции прогуливать, а точнее – просыпать, она губы начала поджимать. Ну а когда к нам мальчик пришел за конспектами – скромный такой, робкий – и мы посадили его чай пить, она так по комнате заметалась, будто ее девственности лишают.

– Больная попалась, – определила Фиса.

И я быстренько с ней согласилась. Потому что если не согласиться, значит, не она больная, а мы. А мне и без того казалось, что мы все время что-то не то делаем. Но у Фисы чувства вины не было. Не приживалось оно в ее сердце. Ее сердце вообще ровно половину человеческих чувств не вмещало. Зато вторая половина, которую оно вмещало, была раздута до сверхъестественных размеров...

Все мои однокурсники живут теперь припеваючи. Семьи, дети, обожаемая работа. Некоторые, самые сердобольные, когда я с ними встречаюсь, даже уверяют, что не было тогда ничего особенного. Просто все были намного моложе, студенческие годы и все такое. А в общем – ничего не было. Но ведь остались следы какие-то. Вот дочка у Фисы... или Оз, например, который всю эту кашу и заварил. Он ведь где-то бродит до сих пор, его ведь так и не нашли тогда. И мне до сих пор снится по ночам, как черный король умирал у меня на руках. Его нет, но остальные-то все живы, многие живут в одном городе. Но я все равно не сумею сказать вам, почему это все так нужно мне. Учитель тоже пока не знает. Он говорит – ты должна сама прийти туда, к тому, что тебя мучит или зовет. Тогда и узнаешь.

И я тренируюсь.

Каждый день.

Как солдат.

Ложусь на свой шикарный белый диван. И начинаю считать: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один...

Вообще-то, когда все это закрутилось, нас было четверо. Мы с Фисой обжились уже с нашей вьетнамкой. И вечерами, совершая обход коридора, встретили как-то двух девиц.

Нет, нет, здесь нужно остановиться и несколько слов сказать про сам коридор. Его можно было бы смело занести в книгу Гиннесса по протяженности и по количеству душераздирающих историй, которые в нем когда-либо происходили. Коридор жил собственной жизнью. Он диктовал стиль поведения в этом старинном клоповнике, он регулировал уровень громкости голосов и способствовал выбросу в кровь гормонов, вызывающих чувства, которых вы никогда бы не испытали вне его стен.

Девушки, которых мы встретили, сидели на полу под дверью, что было абсолютно естественно, и растерянно хлопали глазами, что было совсем не естественно для нашего коридора. Здесь обычно кто-нибудь тут же снимал вашу растерянность крепким метким словом или добрым советом. А может быть, мы с Фисой просто были первыми, кто на них набрел. Девушки учились на нашем курсе, и поэтому Фиса смело взяла их в оборот.

– Вот где мы с Тошей сегодня чайку попьем.

Но девушки среагировали странно. Одна из них закатила глаза куда-то вверх и вправо, как святой Себастьян, пронзенный добрым десятком стрел, а другая – та, что помельче, – насупилась, но, как фокусник, достала из-за спины чайник и чашку и протянула Фисе:

– Пожа-а-алуйста. У нас здесь как в «Алисе» – все время полпятого!

Услышав ее слова, подружка, сидевшая рядом, переместила глаза вверх и влево. Я, кстати, тогда вспомнила, что святого Себастьяна рисовали многие художники. И подумала, что так, как сейчас, – все равно похоже.

Но от Фисы так просто было не отделаться. «Если я чего решил – я выпью обязательно», – это же ее любимый Высоцкий про нее сказал, хотя и не был с ней знаком. Она подсаживается на пол, облакачивается на противоположную стену (я, естественно, с ней рядом), отпивает из чашки и ковыряет девиц дальше:

– А чего это мы все здесь сидим? Может, в комнату пройдем?

– Зачем это? – тараща глаза, спрашивает маленькая.

– Что ж пустой чай пить?

– Пожа-а-алуйста, – с глубоким вздохом говорит девушка и достает из-за спины кулек с пирожками.

– Может, к нам пойдем, – робко предлагаю я.

Наши новые знакомые не встают – вскакивают и ведут себя как моя собака, услышав слово «гулять» – только что хвостом не машут. А напряжились – точно как она.

И пошли. Оказалось, их в комнату с какой-то иностранкой поселили. Не то с гречанкой, не то с латиноамериканкой – не помню уже. А та на следующий день замуж вышла за своего то ли грека, то ли латиноамериканца. Замуж-то она днем вышла, а в комнату мужа законного привела ближе к ночи. «Вы, – говорят они нашим девицам, – не беспокойтесь. Мы вам мешать не будем». И стали над своей кроватью балдахин пристраивать. Получилось – как палатка. Ничего не видно. Но как зато слышно! Прележав так первую брачную ночь своих соседей, вытаращив глаза в крошечную темноту (причем одна из них тарасила их с ужасом и много лет после этого от мужчин шарахалась, а другая – наоборот – с превеликим любопытством, которое ей вообще по жизни очень было свойственно), обе девушки, не сговариваясь, засекли по инерции время, когда все это кончилось, – к рассвету приблизительно. И с тех пор так и сидели каждую ночь на полу рядом с комнатой, ожидая, когда на небе забрезжит тоненькая полоска зари.

На занятиях они обе мирно ложились на парты и засыпали. Мелкая похрапывала даже, чему учителя очень удивлялись и кричали через аудиторию: «Молодой человек! Спать – это я еще могу понять. Но храпеть...» Но мелкая даже не шевелилась. И главное, никто на нее не думал, даже те, кто рядом сидел, оглядывались с изумленным видом. Никто представить не мог, что такое ангельское создание способно издавать такие звуки...

Вот так постепенно я вспоминаю события тех лет и все-все записываю. Доктор Р. считает, что если я буду делать все правильно и не стану торопиться, то со временем мне откроется какое-то знание. Что-то, возможно очень важное, произошло тогда, десять лет назад, и в этом, возможно, причина всех моих бед сегодня. Хотя какие там беды... Но я хотела бы сейчас рассказать не об этом. После того, что случилось, я первая отыскала Фису. Совсем недавно.

Кто мне рассказал о ней – неважно. Так, какой-то случайный человек. Хотя мне кажется, что с тех самых пор в моей жизни все люди были случайными. Только не Фиса. Она была – судьбой... Ну, в общем, этот случайный человек поведал мне что-то незначительное о своей соседке. На его взгляд, незначительное. Я выслушала его вполуха, как всегда, но с места сойти мне после этого не удалось. Он не понял и пошел куда-то дальше своей дорогой, а я, кажется, закричала ему: «Постой!!!» Именно так и закричала – громко и пронзительно, с тремя восклицательными знаками. Он испуганно обернулся и ошарашенно уставился на меня. А я не знала, с чего начать. Имени соседки он не знал. Я попросила рассказать о ней что-нибудь еще, и с каждым его словом сомнения развеивались и передо мной вставал образ далекой родной Фисы. Как живой!

Потом я взяла адрес и отправилась прямо к ней. И вот что никогда не забуду – как она тогда на меня смотрела. Она открыла дверь и посмотрела на меня как-то страшно сначала. Не то чтобы испуганно там или с удивлением, а именно – страшно. Потом подняла брови и сказала:

– Это ты.

Я бросилась к ней на грудь. Она не сделала от неожиданности в ответ ни одного движения, и так мы простояли несколько секунд на пороге.

– Ну что ты, заходи, – Фиса отступила в комнату.

Девчонок новых звали Света и Рита. Но это их остальные так звали. А мы звали по-своему – Ветка и Марго. Ветка – это та, что помельче. А Марго – девушка-Себастьян. Кто-то мне говорил потом, что, дескать, так имена калечить – это плебейство. Мол, дворяне с грамотами никогда бы себе этого не позволили. Но нам тогда было все равно. Мы жили вне всяких правил, и все законы были нам не писаны. Мы жили вспышками всесметающего духа, а вокруг копошились наши душевные однокурсники и однокурсницы. Они пели добрые песенки под гитару – ля-ля-ля-ля-ля. А мы слушали, как стучат колеса поездов и тихо стонут в небе звезды. Это был наш мир, в котором каждый камень жил и двигался, каждый паук имел свое имя, а деревья по ночам перешептывались совершенно человеческими голосами. А те, кто не слышал этого, нас не интересовали. И таких было большинство. К нам пытались приходить в гости. Вечно голодные однокурсники шарили глазами по полкам шкафа в поисках снеди и давили на жалость. Но мы были не жалостливые, а снеди у нас не было, за исключением кофе, который мы пили все время. Однако кофе мы слишком любили, чтобы угощать посторонних. Иногда к нам заходили «пообщаться». Но не все выдерживали. Кому понравится, когда на тебя устанутся четыре пары разноцветных глаз с одним выражением, словно рассматривают таракана в банке: «Смотрите, как живой!»

Мы вчетвером словно жили на втором этаже, а все остальные копошились на первом, и им было до нас не достучаться, а мы сами никогда не смотрели вниз.

Ветка и Марго через четыре дня после нашего внезапного знакомства и внезапно вспыхнувшей симпатии собрали вещички, покинули своих молодоженов и перебрались в нашу комнату, которую Фиса им услужливо предложила, совсем позабыв обо всех правилах общежития.

Три дня они блаженно отсыпались. Правда, Марго иногда странно вскрикивала во сне, но это быстро прошло. Помню, мы с Фисой минут по десять препирались относительно того, что же снится нашей целомудренной Маргарите. В это время в комнату лучше было не заходить, потому что наши предположения выходили за все рамки приличий.

Все были счастливы, за исключением вьетнамской Анны. Ее, правда, давно звали к себе вьетнамские подружки, но она уперлась из принципа и продолжала жить с нами. Фиса делала ей козью морду, Марго и я горячо убеждали переехать. Возможно, даже слишком горячо. А Ветка ничего не делала. Она спала на полу, потому что ей не хватило кровати, но не слишком страдала. Правда, первое время спала она постоянно, поэтому по комнате невозможно было ходить. Но нам, собственно, и не нужно было. Мы валялись на кроватях, обложившись сложными философскими книжками, и ничего на свете нас больше не интересовало.

Война с Вьетнамом коснулась не только Америки, но и нашей 145-й комнаты. К нам приходило видное вьетнамское начальство. Это были немолодые (по паспорту) люди в военизированной, как нам казалось, форме. Фиса смотрела на них сверху вниз, потому что по сравнению с ней они все были крошечные, и говорила только одну фразу каждый раз: «А нас больше!», предоставляя нам с Марго объяснять, что же эта фраза значит.

А потом у нас сломался будильник. И мы впали в сплошной летаргический сон. Однако ровно через неделю наши фамилии заняли ведущие места в рейтинге злостных прогульщиков, и нас пригласили в деканат. Вряд ли там догадывались, что мы живем в одной комнате или хотя бы знакомы. Сначала вызвали Фису. Она пошла и все обстоятельно рассказала. Как мы живем, сколько нас, как Ветка спит на полу, как сломался будильник, а тут еще военные силы Вьетнама каждый день угрожают. Ей вынесли выговор с предупреждением об отчислении. Потом пошла я. Начала рассказывать свою версию. Комиссия по отчислению сначала буквально прослезилась, а потом кто-то самый внимательный все-таки прервал меня: «Подождите, подождите! Мы же уже только что это слышали! Вы что, издеваетесь?»

Пришлось объяснять, что я вовсе не издеваюсь над ними, а живу с вышеупомянутой Фисой в одной комнате. Мне вынесли то же самое и пригласили Марго. Марго стояла прямо, невозмутимо и сначала выслушала все претензии в свой адрес. Когда же ей наконец дали слово, потребовав объяснить, на кой черт она поступила на факультет, вытеснив двадцать конкурентов, претендовавших на ее место, если не ходит теперь на лекции, Марго начала с главного: «Когда у нас сломался будильник...»

Комиссия взвыла. Ей этот будильник стоял уже поперек горла! Замдекана по воспитательной работе вскочил с места и закричал:

– Хватит издеваться! Мы про ваш будильник уже все знаем! Сколько вас еще?

– Одна осталась, – невозмутимо ответила Марго.

Замдекана выскочил из кабинета и закричал маленькой Ветке:

– Ага! Так это вы, стало быть, спите на полу!

Ветка открыла было рот, но толпившиеся у расписания студенты разразились таким хохотом, что из-за шума ей пришлось изъясняться жестами.

В результате всем нам вынесли строгий выговор с предупреждением об отчислении, а вот Ветке – просто строгач. Наверно потому, что ей и без того плохо было, ведь она на полу спала, пожалели. И еще нас предупредили – никаких международных скандалов! С вьетнамкой решить вопрос полюбовно в двадцать четыре часа.

После вынесения приговора мы сидели в коридоре на подоконнике и абсолютно ничего не могли придумать. Время, назначенное нам до выяснения международных отношений, неумолимо истекало. Оставалось ровно два часа. Вьетнамка ходила гордая из комнаты

на кухню и посматривала на нас с видом победителя. Может быть, тогда мы и поняли, как нужны друг другу. Тогда и породнились. Сидели и представляли, как разъедемся опять по разным комнатам. Марго пребывала в полуобморочном состоянии, а Фиса, похоже, готовилась к физическому воздействию. Тогда маленькая Ветка встала и сказала:

– Ну что ж, давайте попробую я...

– Ах... – вздохнули мы втроем, махнув на нее рукой, мол, все уже перепробовали, и, сменив позу, снова застыли в ожидании.

А Ветка все-таки пошла. И тут же вернулась. Понятно – не захотела беседовать с ней вьетнамка после всего, что мы уже наговорили.

– Она согласилась переехать, – только и сказала Ветка.

Не помню, кто нашелся первым, потому что мы все лишились дара речи. Как?!

– Что ты ей сказала? – удивилась Фиса, которая удивлялась крайне редко.

– Я ей сказала: «Ань, не могла бы ты переехать, пожалуйста...»

– А она?

– Могла бы, говорит.

– Ах ты какая! – задохнулась Фиса.

– Она говорит, что никто из вас ее до сих пор переехать не попросил.

Мы хотели было ей возразить, но застыли с открытыми ртами. А ведь действительно! Вряд ли мы хоть раз в своих эмоциональных припадках закончили фразу, начинающуюся словами: «А не могла бы ты...»

Вьетнамка собирала вещи. Мы чинно прогуливались по коридору, не веря своему счастью, которое оказалось так возможно, к Ань заявила стайка подружек, и они легко перенесли ее скорбь в другую комнату. Дождавшись, пока дверь за ними плотно закроется, мы с визгом бросились домой. Дом! О, этот сладостный дом! Наконец-то. Вот так мы обрели и дом, и семью. Наш мир замкнулся.

И все-таки наш Учитель ничего не понимает. Наверно потому, что пытается представить себе нас такими наивными девочками, которые мало что смыслят в жизни. Ничего подобного! Таких девочек полно на улице, я знаю. Но мы-то такими не были! То есть, может, и были, но только до того, как встретили друг друга. А когда мы все встретились и у нас появился свой дом, мы изменились и стали такими, какими иостаемся по сей день, какими и умрем когда-нибудь. Мы не были наивными. Мы как-то сразу все знали и о себе, и о своей судьбе, и о других.

Но вот теперь я подхожу к самому главному. То есть это мне так кажется – к самому главному. Ну, может быть, не к главному, а к тому, с чего все началось. Но это тоже должно было случиться. Кто знает, может быть, без этого наша жизнь постепенно скатилась бы на общие рельсы и вместо пестрой своей расцветки обрела бы серое воробьиное оперение.

Хотя – вряд ли. Мы были какими-то ненастоящими женщинами. Самое страшное для было – мыть посуду. Нет, разумеется, мы поддерживали порядок и даже пытались соблюдать очередность в том, кто сегодня, черт побери, будет заниматься домашним хозяйством. Скажу больше, одну из нас рано утром или поздно ночью могло посетить такое настроение, когда с любовью, напевая что-нибудь, хочется, например, до блеска отдраить кастрюлю. А потом обнаружить, что это кастрюля соседей...

Однажды мы заметили, что Ветка наша совсем оторвалась от земных забот и ничегошеньки в доме не делает. И отправили ее мыть посуду. Вручили поднос со всеми нашими тарелками и чашками и направили ее лицом в сторону выхода из комнаты. Ветка постояла так минуты две, а потом убрала руки за спину, и посуда полетела на пол и разбилась вдребезги.

– Ой, – сказала она радостно. – Вот и не надо мыть.

Ход был интересный. Мы сначала даже восхитились таким простым решением. Но потом опомнились и устроили ей разгон. Ведь это была вся наша посуда! Вся, до последней чашечки. Тогда мы перестали готовить и начали ходить в кафе. Спасибо Ветке! Мы объявили себя «Обществом чистых тарелок», которые решили никогда не заводить. Зато купили кофейный сервиз, чем и ограничились. Нет, вспоминаю, Ветка притащила потом какую-то декоративную тарелку с восточными, как кому-то может показаться, красотками, и повесила на стену. Фиса морщилась от такого декора, но Ветка утверждала, что раз мы «Общество чистых тарелок», то должна же в нашем доме быть хотя бы одна захудалая тарелочка.

Я опять расплываюсь в своих воспоминаниях. Учитель говорит, это оттого, что мне не хочется вспоминать о главном. О самом главном. Что я этого главного страшно боюсь.

А первое главное событие произошло так.

3

Мы мирно валялись в комнате и сообща обсуждали одну из бесконечного списка тем о жизни как таковой. Каждая делилась своими домыслами. Марго, надев очки, сосредоточенно корпела над конспектами. Фиса была – само благодущие. Сегодня она любила всех людей, потому что целый день не выходила из дома и не видела их. Замкнутое пространство нашей комнаты явно шло ей на пользу. И вот Ветка, попивая кофе из необыкновенно красивой сервизной чашечки, ласково так сообщает Фисе:

– Фис, а Фис, на тебя паук спускается...

– Где? – так же благодушно спрашивает Фиса и вдруг, обнаружив здоровенного паука прямехонько перед своим носом, взвизгивает нечеловеческим голосом и пулей вылетает из комнаты.

Что было дальше, никто не видел. Через минуту Фиса спокойненько вернулась, оторвала нитку-паутинку и отнесла паука пастись в коридор. Она их никогда не убивала. Верила, что паука убить – семь грехов на себя взять. Глупо, правда? Но самое главное, что за одну эту минуту, прошедшую с того момента, как она вылетела за дверь, и до того, как она вернулась, жизнь ее, да и наша тоже, совершенно изменилась.

Я не знаю, как это произошло. Меня там не было. Никого не было. Но, вылетев за дверь, Фиса столкнулась с молодым человеком. Шарахнулась в него всем телом. Влипла. И влипла по-настоящему. Надолго.

Я все потом думала: если бы не этот противный паук, она бы не вскочила. Если бы Ветка сказала про паука чуть раньше, Фиса могла бы спокойно взять его и вынести за дверь. Они бы все равно тогда встретились, но это было бы уже не то. Может быть, он не обратил бы на нее внимания, а прошел мимо. А потом встретил бы себе на радость другую девушку, более покладистую, и она не отвечала бы ему «нет» все время. И все были бы живы и счастливы. А мне не снились бы страшные сны теперь. И, в конце концов, жизнь не казалась бы нам такой запутанной фантазмагорией, как в сказках Гофмана, а текла бы себе спокойно и размеренно. Но у Судьбы были на нас свои виды.

Учитель предлагает мне остаться в группе еще на один месяц. Я намекнула ему, что не знаю, как с деньгами, а он предложил даже за полцены и в кредит. Так его заинтересовал мой случай. А еще мне кажется, что ему нравится читать мои записи и строить всевозможные догадки по поводу дальнейшего развития событий. Но сколько предположений он мне ни высказывал, все – мимо. Докторам, наверно, все хочется подогнать под знакомые шаблоны или под собственную классификацию. Но, как я уже сказала, все – мимо.

А в группе я все-таки останусь. Мне понравилось. Вот сейчас у меня домашнее задание – очередной сеанс: мой белый диван превращается в заброшенный старинный замок, я закрываю глаза и спускаюсь по ступенькам в мрачное подземелье. Десять – за спиной гаснет свет белого дня, девять – я несу в руках факел, мне нисколько не страшно, восемь – пламя факела пляшет как живое, семь – тени изгибаются по стенам в замысловатом танце, шесть, пять...

Вот так отдельно взятый паук может повлиять на судьбу отдельно взятого человека. С него все и началось. С паука. Через два дня, когда Фиса уходила на первую пару, а мы еще сладко спали, мимо проходил однокурсник (тот самый) и скромно поинтересовался, не «в школу» ли она случайно собралась. Фиса улыбнулась ему на «двадцать долларов» и сказала, что, как ни странно, именно туда. И он, улыбнувшись в ответ, заметил: мол, как здорово получилось, что им по дороге. Фиса пришла в восторг от такого совпадения и, обгоняя толпу студентов, которым тоже, по странному совпадению, случайно было по дороге, направилась

к лестнице. Молодой человек шел рядом и, открывая перед девушкой двери, был, очевидно, весьма доволен тем, как быстро завязал с ней знакомство. Но радость его была преждевременной, потому что, спустившись на первый этаж, Фиса применила один из наших совместно выработанных ста с хвостиком способов избавления от навязчивых приставал и благополучно скрылась из виду. Молодой человек

окончательно понял, что потерял ее, только когда прибыл на лекции, где выяснилось, что Фиса уже окружена толпой, сквозь которую невозможно пробиться. Он хотел кивнуть ей, но она скользнула по нему неузнающим взглядом. Вот так все продолжилось. Но, во-первых, это был не просто молодой человек, а тот самый, в которого Фиса накануне «влипла». Это вы, наверно, уже поняли. Во-вторых, Фиса вовсе не притворялась, что не узнала его: ни тогда, когда он «поймал» ее в коридоре, ни тогда, когда пытался кивнуть на лекциях. У нее была уникальная особенность – она не запоминала лица людей. Нет, правда, без смеха. Она могла кого-нибудь запомнить только с десятого раза, и то если этот человек ей «запоминался». С первого раза она запомнила только Марго, Ветку и меня. Ну и потом еще черного короля. Так, не будем забегать вперед!

Вот по причине таких необычных свойств своей памяти Фиса и не узнала молодого человека. А может быть, это был внутренний протест по отношению к будущему. Не знаю.

Наша Ветка с самого начала ударилась в художества, то есть в прямом смысле начала «представлять на бумаге». Она купила краски, но они были не обычными, а масляными, и требовали постоянно каких-то разбавителей и растворителей, которые ужасно пахли. И мы через некоторое время запретили Ветке растворять и разбавлять в комнате. Ей пришлось бегать на кухню. Ходить по комнате или спокойно существовать на кроватях, когда она творила, было невыносимо. Ветка издавала немыслимые звуки, бегая стометровку из комнаты на кухню и обратно. «Топ-топ-топ, бум, блямс, хлюп, топ-топ-топ... – Ой, черт возьми! – топ-топ-топ, бум, блюмс, хлюмс. – Вот это дело!»

В творческом экстазе Ветка мало обращала внимания на окружающих, то есть на нас. Поэтому, как только по комнате разливался труднопереносимый запах краски, мы все спешили куда-нибудь удрать. Вот и в тот раз. Ветка сначала замечталась, уставившись в потолок, потом ее рука сама по себе поползла куда-то под тумбочку и вынырнула с кистью. Прошло еще несколько минут, рука самопроизвольно потянулась ко рту, и Ветка кисть куснула. Это, наверно, было невкусно, и она опомнилась. И обнаружила, что же это такое у нее в руках. Выйдя из состояния полного транса, она внимательно посмотрела на кисточку и радостно улыбнулась:

– Это именно то, что надо.

Фисе повезло, она в это время блаженствовала в гостях у тетушки. Я сразу же вспомнила, что меня просила позаниматься с ней соседка Машка. Машку мы любили: у нее был телевизор. Но она не разрешала ходить к ней табуном. Поэтому каждый раз перед хорошим фильмом мы спорили между собой, кто же Машку больше любит. Сообразив, что я сдалась без боя и сейчас сбегу, Марго застонала и попыталась былообразумить Ветку. Но та в своем художественном угаре уже ничего не слышала и ничего не соображала. Тогда Марго, тяжело вздыхая, стала собираться в магазин и взяла с собой последний рубль, оставшийся у нас до завтрашней стипендии. В буфет с такими деньгами не пускали, и мы планировали купить килограммчика два картошки и сварить в мундире. (Напоминаю для тех, кто забыл: картошка стоила тогда ровно десять копеек. Можно было десять килограммов купить.) И так, вздыхая, Марго поползла к выходу, в то время как Ветка уже стояла, скрестив руки, у холста, и лицо ее сияло дерзновенной мыслью.

Марго часто показывала Фисе на Ветку в такие моменты и шепотом говорила:

– Ты только на нее посмотри! Какая разница, что она потом нарисует! Это ведь уже не важно, правда? Вот настоящая картина!

И Фиса со смешком соглашалась. А ведь Марго говорила не шутя, а со слезой в голосе. Она сама рисовала профессионально, раз в сто лучше Ветки, но никогда об этом никому не рассказывала. Только года через два я случайно увидела ее рисунки. Марго всегда была такая.

И вот, когда все мы расползлись из комнаты, а Ветка забежала свою творческую стометровку, в неприкрытую дверь заглянул молодой человек. Он увидел холст, краски, заглянул потом на кухню и быстро оценил обстановку. Во время очередного Веткиного демарша она вдруг обнаружила рядом со своей дверью маленький раскладной столик, за столиком – улыбающегося молодого человека, а на столике – большую, написанную фломастером табличку: «Промыв кисточек!». Ветку это заинтересовало. На столике стояли две баночки с водой и тем, что так сильно пахнет, а внизу – ведро. Она секунду подумала, что за новости такие, но в нашем коридоре и не такое случалось, поэтому она протянула молодому человеку кисть. Он профессионально обработал ее и сказал:

– Вот и бегать не придется...

Когда разомлевшая от домашних пирогов Фиса вернулась от тетушки, в комнате у холста стояла Ветка, и какой-то молодой человек показывал ей, как смешивать краски.

– Фиса, знакомься, это Оз.

Фиса молча кивнула и в этот момент отчетливо вспомнила и паука, и случайного попутчика «в школу». Но было поздно. Не отвертеться. Озстоял посреди комнаты и смотрел на Фису. Она, кажется, тогда уже поняла, что отделаться от него будет не так-то просто. Оз вошел в дом, Озстоял и помогал Ветке.

Может быть, был еще шанс что-то исправить, как-то потихоньку выпроводить Оза из нашего дома. Но тут неожиданно-негаданно за дверью раздался крик. Это я кричала на Марго, вернувшуюся из магазина.

Сначала я увидела ее из Машкиного окна. Марго шла, не разбирая дороги, и читала свой любимый журнал «Экран», который несла в правой руке. Левой рукой она доедала не менее любимое мороженое. Я сначала спокойненько отошла от окна, но потом, опомнившись, сообразила: у нас ведь рубль оставался. И, подскочив к окну, глазам своим не поверила. Нет, сетки с картошкой в руках Марго не наблюдалось. Совсем. Только журнал и мороженое! Внутри у меня закипело негодование, а желудок тут же взвыл, как голодный щенок. Я вышла в коридор и стала ждать, когда же она поднимется на четвертый этаж.

Ждать пришлось долго. Марго останавливалась на пролетах, пытаясь спасти таящее мороженое и дочитать про любимого Янковского. Когда она подошла к комнате и подняла глаза, они были затуманены чем-то похожим на счастье. Она некоторое время близоруко всматривалась в мое лицо, а потом начала тихо оседать по стенке. В голове у нее, очевидно, начало проясняться, а глаза раскрывались все шире и шире.

– Как же это я... – бормотала Марго, – я ведь... ой, точно! Я ведь совершенно забыла...

И тут я зарычала на нее. Что-то типа: «Да-как-же-так!» И на мой крик выскочили Фиса, Ветка и Оз. Они втащили нас с Марго в комнату, и та принялась слабым голосом объяснять, что случилось. Проголодавшаяся после активных занятий творчеством Ветка ничего не могла понять, а когда поняла, не могла поверить. И все спрашивала:

– Хорошо, а есть-то мы сегодня что-нибудь будем?

Тогда Марго начинала объяснять все сначала.

Фиса уже минут десять от души смеялась, наблюдая эту сцену. Ей голод не грозил, она целый день у тети отъедалась.

– Ладно, не грустите. Я вам тонну пирогов привезла, – сказала она наконец.

И получилось, что Оз как бы тоже приглашен. Потому что он стоял тут, слушал и всем сочувствовал. И даже, кажется, предлагал помощь. А потом, не говорить же ему:

– Ну все, пока, мы сейчас пироги есть будем.

Вот так появился Оз. Кстати, Оз – это фамилия. Сначала он пытался делать вид, что может и вовсе не приходить к нам. Попросит не обращать на него внимания, посидит, перебросится с кем-нибудь парой фраз и уйдет. Но ведь к нам никто не приходил по собственному желанию! Значит, это была его привилегия. Получалось, что Оз нам как бы не чужой. Правда, Фиса на него внимания никогда не обращала и все время говорила ему: нет. Он изредка спрашивал что-нибудь. Ну, например, говорил, что идет в магазин и осведомлялся, не купить ли нам чего-нибудь заодно. Марго радостно открывала было рот, а Фиса, не отрываясь от книги, четко говорила: «Нет». Даже не «спасибо, нет», а просто – «нет». Оз спрашивал: «Сейчас будет фильм Тарковского. Хотите, я к вам свой маленький телевизор принесу?» Мы обалдевали от радости, а Фиса спокойно поворачивалась и говорила: «Нет». И мы почему-то не возражали. Как будто понимали, что она права, даже еще не зная почему. Но словно чувствовали, что она и должна именно так отвечать ему.

Тогда Оз поменял тактику. Он попробовал сблизиться с каждой из нас отдельно. Сначала он запасся расположением Марго. Она терпеть не могла все, что было связано с физическими нагрузками, а Оз непременно оказывался рядом, когда ей предстояло что-нибудь из рук вон физически трудное. Например, наступала ее очередь чистить апельсины. Оз брал нож, садился рядом и чистил вместе с ней. Или – принести для всех книги из библиотеки. Марго пыхтя тащила хилый пакетик, пакетик обязательно рвался, книги рассыпались, она тащила их в руках, прижимая к себе, но тут появлялся Оз с большим кожаным портфелем и складывал в него все, что находилось в руках у Марго. И нес.

Марго невероятно смущалась в присутствии мужчин, юношей и даже десятилетних мальчиков. Мы с Фисой думали, что это последствия от проживания с молодоженами в их прежней комнате. Разговаривать с Озом она не решалась. А он и не навязывался. Но от молчаливого спутника Марго стало бы не по себе куда быстрее. От кого угодно, только не от Оза. Он умел так стусевываться, что напоминал ей младшего брата, которого можно не стесняться. Он шел с ней рядом, словно так и было нужно. Вскоре Марго к этому привыкла. Но еще до того, как это случилось, до того, как она окончательно потеряла бдительность, как-то поздно вечером, когда ей казалось, что мы с Веткой уже мирно спим, она сказала Фисе:

– Ты знаешь, кажется, он тебя любит.

– С чего ты взяла?

– Не знаю. Это не поддается логике. Вот он целый день ходит рядом со мной, в твою сторону даже не смотрит, ничего про тебя не говорит, но как-то, я не понимаю только как, дает мне при этом понять, что он тебя любит.

– Бред.

Однако, похоже, для Фисы это была не новость.

После покорения Марго Оз принялся за Ветку. Ну, здесь он использовал совсем другую тактику. Оставаясь с Веткой наедине, Оз переходил на ее высокопарный язык, и они часами вели философские беседы. Ветке это очень нравилось. У нее было так мало единомышленников. Ветка всегда витала где-то в облаках, и никому было не ведомо, как к ней туда добраться. Но Оз эту дорожку отыскал. И совсем скоро Ветка стала часто говорить: «Вот Оз считает...»

Фиса непременно от такого поворота разговора морщилась. А Марго, как будто признавая, что слушать Оза – это жуткая слабость, все-таки не могла преодолеть своего любопытства и тянулась к Ветке: «Так что он там считает...»

Прошло еще какое-то время, и Оз, очевидно, решил, что Ветки с него достаточно, она уже своя в доску, и попробовал перекинуть сеть своего беспредельного обаяния на меня. И вот тут его ожидало полнейшее разочарование.

Оз ходил вокруг меня кругами, но никак не мог найти лазейки, чтобы втереться ко мне в доверие. Я ведь с самого начала понимала, что ему нужно. Что он подбирается к Фисе. Я видела, как он на нее смотрел. То есть как старательно он не смотрел на нее. Так старательно,

что этого нельзя было не заметить. А когда случайно встречался с ней глазами, то отводил взгляд и его, похоже, током пронзало с ног до головы. Он притворялся безразличным. Он всем своим видом пытался сказать: «Да кто она такая, ваша Фиса». Но от меня он не мог спрятаться. Я-то знала, кто она такая, наша Фиса. Кто она мне и кто она ему. Я ведь сама ее очень любила...

Вот только не надо начинать, ладно? Наш доктор Р. тоже, когда до этого места в моих записях добрался, закивал головой, словно напоролся на знакомое что-то, и стал потирать руки. А потом все спрашивал меня: «А не задумывались ли вы...»

Я задумывалась. Мы обо всем в то время задумывались. И все пытались осмыслить. Нет, у меня нормальная сексуальная ориентация. Мне никогда не нравились женщины. Нет, как бы я ни любила Фису, мне никогда не хотелось ее поцеловать. И ущипнуть ее за зад тоже не хотелось, ей-богу! У меня были насчет поцеловать совсем другие желания (с нашего четвертого курса). Желания были в брюках, и с одним я даже ходила в кино. Но он меня не поцеловал. А любовь к Фисе – это совсем, совсем другое. Я не могу объяснить, в чем она состояла. Не то чтобы я считала ее умнее или красивее себя. Нет. Иногда даже наоборот. Не то чтобы я готова была умереть за нее. Не то. Но мне часто хотелось, чтобы время, которое мы проводили вдвоем, длилось бесконечно. Ветка и Марго никогда не были мне так близки, и я порой ревновала, когда кто-то из них заявлял на Фису права. Я страдала. Как несчастный ревнивец, лишенный прав на свою возлюбленную. А Фиса любила всех сразу. Всех по-своему. Она впадала в детство с Веткой, устраивала дни всепоглощающей лени вместе с Марго, вела бесконечные интеллектуальные разговоры со мной. Поэтому я считала, что мы с ней роднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.